

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(497.5)
DOI: 10.17223/19988613/59/13

Д.Е. Алимов

ОТ ИЛЛИРИИ К ХОРВАТИИ: РАННЕЕ ПРОШЛОЕ ХОРВАТСКО-СЛАВОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ЮРАЯ РАТТКАЯ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

В статье анализируется описание древней и раннесредневековой истории Хорватии в книге первого хорватского (хорватско-славонского) историографа Юрая Раттка «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652). Ставя перед собой задачу выявления внутренней логики в нарисованной Ратткаем картине раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства, автор фокусирует внимание на этническом дискурсе историографа и соотношении в его повествовании этнических и политических категорий.

Ключевые слова: Хорватско-Славонское королевство; хорватская историография; иллиризм; Юрай Ратткай.

Юрай Ратткай (1613–1666), выдающийся церковный, политический и культурный деятель Хорватско-Славонского королевства¹, входившего в состав «короны св. Стефана» композитарной монархии Габсбургов, родился в семье барона Петра Раттка и графини Барбары Эрдеди. Образование юный аристократ получил в гимназии и университете Граца – столицы герцогства Штирии, став в возрасте 19 лет членом иезуитского ордена. Пробыв некоторое время преподавателем коллегиумов в Загребе и Дьёре, Ратткай вышел из ордена в 1639 г., не оставив, однако, церковного поприща. С тех пор как в 1640 г. Ратткай стал каноником капитула кафедрального собора в Загребе, его жизнь и карьера были главным образом связаны с загребской епископской кафедрой. В 1648 г. Ратткай стал архидиаконом и каноником-лектором, и его кандидатура была выдвинута на место загребского епископа. Избрание Раттка епископом, впрочем, не состоялось, так как вскоре после смерти его покровителя бана Ивана Драшковича (1640–1648), верх в капитуле взяли соперники Раттка. Неизменно играя важную роль в жизни капитула, Ратткай время от времени исполнял ответственные поручения политического характера. Так, в 1646 и 1649 гг. он был представителем хорватско-славонских сословий на заседаниях Венгерского государственного собрания, а в 1651 г. был назначен баном Николой Зринским (1647–1664) поверенным по так называемой влашской проблеме. Участвовал загребский каноник и в военных действиях – против османов (в 1641 и 1651 гг.) и, на заключительном этапе Тридцатилетней войны, против шведов [3; 4. S. 44–47].

Ведя активную общественную жизнь, соответствовавшую его высокому социальному статусу, Ратткай, вместе с тем, уделял большое внимание самообразованию и был человеком весьма начитанным. К тому же он прекрасно владел словом, о чем, к примеру, свидетельствует его речь, посвященная памяти венгерского короля Ласло. Эта речь, произнесенная Ратткаем в 1641 г. в венском соборе св. Стефана, снискала большой успех у публики [5. S. 7–8]. В 1652 г. в Вене на латинском языке был опубликован большой исторический труд Раттка «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (*Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*) [6, 7], ставший первым опытом систематического изложения истории Хорватско-Славонского королевства с древнейших времен до современной автору эпохи, т.е. если, исходя из перспективы национально-государственного строительства, дать более презентистское определение жанра, – первым шагом на пути формирования хорватского национального исторического нарратива. Из слов самого автора следует, что книга писалась по заказу бана Ивана Драшковича, что, как справедливо заметил венгерский ученый Ш. Бене, автор глубокого исследования биографии и творчества Раттка, позволяет говорить о том, что фактически на загребского каноника были возложены обязанности государственного историографа Хорватско-Славонского королевства, при той, однако, оговорке, что официально такой позиции в королевстве не существовало [5. S. 15]. Хотя труд Раттка, глубоко проникнутый патриотическим духом, несомненно, можно расценивать как результат эволюции самосознания хорватско-славонской знати, приобре-

тавшего протонациональный характер [4. S. 51], появление этой книги во многом было связано со специфическими политическими обстоятельствами, сложившимися в Хорватско-Славонском королевстве в 1640-е гг. По мнению современных исследователей, катализатором формирования в стране протонациональной идеологии стали два острых раздражителя – пассивная и нерешительная, с точки зрения местной элиты, политика Габсбургов в отношении османов, удерживавших под своей властью огромные, ранее принадлежавшие королевству территории, а также двусмысленная позиция двора по так называемой влашской проблеме, когда «влахам» – православным жителям, бежавшим в Хорватско-Славонское королевство с территории Османской империи, в обход местных законов предоставлялись привилегии, по сути, игнорировавшие формально признаваемые двором суверенные права сословий королевства и препятствовавшие интеграции «влахов» в его правовое поле [5. S. 15–16; 8. S. 272–276].

Таким образом, исторический труд загребского каноника стал не только плодом возросшего среди представителей хорватско-славонской элиты интереса к истории своего отечества, но и ответом на конкретный политический запрос, суть которого сводилась к необходимости исторической легитимизации попиравшихся центральной властью прав сословий Хорватско-Славонского королевства. Основным элементом формирующейся в это время идеологии политически активной части местного социума стало стремление к максимальному утверждению самостоятельности Хорватско-Славонского королевства в составе монархии Габсбургов, что, несмотря на никем не оспаривавшийся факт вхождения его в состав «короны св. Стефана», практически должно было выражаться в его полном равноправии с Венгрией [5. S. 77–87; 8. S. 274–276].

Хотя в историографии труд Ратткая и особенно та его часть, где автор описывал события, современником которых он сам являлся, неизменно рассматривались как ценный источник информации о хорватской истории раннего Нового времени, начальные главы книги, посвященные древней и средневековой истории, пользовались вниманием исследователей лишь в минимальной степени. Отношение к этим главам долгое время обуславливалось характерным для позитивистской историографии рассмотрением историографического процесса с точки зрения развития критического метода. Следствием такого подхода явилось то, что, обращая внимание на ошибочные, а местами и откровенно фантастические, с точки зрения современной науки, детали в повествовании Ратткая о древнейшем прошлом, историки-позитивисты подчас невысоко оценивали его вклад в разработку ранней хорватской истории (см. обзор историографии: [5. S. 28–38]). Современные исследователи справедливо исходят из того, что для адекватной оценки исторической концепции Ратткая, в том числе его взгляда на раннее прошлое, необходимо исходить не из абстрактных критериев «критической

историографии», а из конкретных целей книги загребского каноника, связанных с необходимостью исторического обоснования политических идеалов хорватско-славонских сословий, и обусловленных данными целями более узких жанровых характеристик книги в целом и ее отдельных частей (см. особенно: [5. S. 39–68; 8. S. 271–293]). При всей адекватности такого подхода следует все же заметить, что он невольно способствует тому, что внимание исследователей оказывается сфокусированным на сугубо идеологических аспектах книги, вследствие чего в историческом повествовании Ратткая идентифицируются и анализируются, прежде всего, те элементы, которые так или иначе отвечают идее политической самостоятельности Хорватско-Славонского королевства. Другой аспект книги Ратткая – выстраивание в привычных для той эпохи дискурсивных категориях линии преемственности от далекого прошлого к настоящему – либо отходит на второй план, либо вовсе остается вне поля зрения историков. Между тем стоявшая перед Ратткаем задача создания связного и непротиворечивого исторического повествования, в котором находила бы свое максимальное выражение этнокультурная и этнополитическая индивидуальность Хорватско-Славонского королевства, была ничуть не менее важной и не менее сложной, чем обоснование с помощью исторических аргументов политических идеалов и устремлений хорватско-славонских сословий.

Если учесть, что основным средством создания любого национального исторического нарратива является проецирование в прошлое современных написанию труда этнических и квазиэтнических (этносоциальных и этнополитических) категорий и соответствующее этому структурирование прошлого в виде истории определенного этноса и соответствующей этому этносу конкретной политики, становится очевидным, что наибольшие трудности у историка-первопроходца, каковым был Ратткай, должно было вызвать описание именно самой ранней эпохи. Ведь именно в ней ему предстояло отыскать начала своих народа и страны и, ясно обозначив исторический континуитет, обрести искомую традицию непрерывной истории конкретного этнополитического организма – Хорватско-Славонского королевства. Речь, таким образом, идет о творческом акте, который может и должен рассматриваться в рамках так называемого изобретения традиции, как со времен появления влиятельной книги Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера [9] в историографии все чаще стали именоваться разнообразными попытки утверждения и легитимизации современных наций и национальных государств, а также более ранних форм этнических групп и этнополитических единиц посредством их проецирования в прошлое и обусловленного этой проекцией «структурирования», т.е. фактически конструирования этого прошлого. Этой ключевой, с точки зрения обретения традиции, эпохе посвящены в обширном труде Ратткая, основная часть которого состоит из шести

«книг» (глав), первая и вторая книги. В то время как в первой книге описывается период от Сотворения мира до римского завоевания Иллирика, а также дается общая историко-географическая характеристика королевств Далмации, Хорватии и Славонии [6. Р. 17–39; 7. S. 123–140], вторая книга, начинающаяся описанием христианизации Иллирика апостолами, освещает период истории трех соединенных между собой королевств до конца XI столетия [6. Р. 40–60; 7. S. 141–157].

С целью хотя бы отчасти восполнить обозначенный нами выше пробел в исследовании исторической концепции Ратткая в настоящей статье будет предпринята попытка выявить внутреннюю логику, скрытую за нарисованной Ратткаем довольно причудливой, с точки зрения сегодняшних представлений, картиной раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства. При этом, рассматривая эту картину с точки зрения поиска ее автором традиции, которая бы исторически легитимизировала существование Хорватско-Славонского королевства как особого этнополитического организма, свою основную задачу мы видим в выявлении тех аспектов повествования Ратткая о раннем прошлом, которые были обусловлены этническим дискурсом, т.е. исторически обусловленным способом структурирования социальной, политической и культурной реальности в этнических категориях. Понимание специфики этнического дискурса Ратткая, в свою очередь, позволит, как нам представляется, пролить дополнительный свет на те «ошибки», за которые, как было отмечено выше, укоряла труд историка-первопроходца позитивистская историография.

Королевства Далмации, Хорватии и Славонии, истории которых посвящен труд Ратткая, рассматривались им как три составные части Иллирика – страны, населенной «иллирским народом» (*natio Illyrica*). Глубокий и всесторонний анализ различных образов Иллирика в южнославянской историографии XVI–XVII вв. был недавно осуществлен З. Блажевич [8]. Как показала хорватская исследовательница, идея «иллирского народа», сформировавшаяся, главным образом, в среде далматинских и дубровницких гуманистов XV–XVI вв., была характерным продуктом этнического дискурса эпохи позднего Ренессанса, южнославянским аналогом польского сарматизма, немецкого тевтонизма, шведского готицизма и других похожих раннеמודерных дискурсивных концептов [8. S. 51–87]. Существовавшая в воображении интеллектуалов и находившихся под их влиянием представителей политической элиты, бытовавшая в текстах, но практически не находившая отражения в практиках обиходной групповой идентификации южных славян, иллирская идентичность была примером так называемой нарративной идентичности [8. S. 34–35]. Вместе с тем авторы, использовавшие в своих трудах понятие «иллиры», идентифицировали эту воображаемую общность, главным образом, на основании такого объективного критерия, как славянская языковая принадлежность, вследствие

чего Иллириком, как правило, именовалась область расселения южных славян, а иногда – в специально оговариваемом, широком смысле – вся населенная славянами часть Европы [8. S. 101–103].

Ко времени появления книги Ратткая протонациональная идеология иллиризма, корни которой уходят в XV в., насчитывала богатую историю, вследствие чего о прошлом «иллирского народа» можно было узнать из целого ряда сочинений разного жанра. С некоторыми из них – трудами Мавро Орбини (около 1550–1614), Ивана Томко Мрнавича (1579–1637), Франьо Главинича (1585–1652) – Ратткай, как показывают содержащиеся в его книге соответствующие отсылки, был хорошо знаком. Описывая в начале первой книги границы Иллирика, Ратткай цитирует известный труд Мрнавича «Изобилие иллирской царственной святости» (*Regiae sanctitatis Illyricanae foecunditas*) (1630 г.), согласно которому Иллириком должна именоваться территория между Черным, Эгейским и Адриатическим морями, с севера ограниченная рекой Дунаем [6. Р. 19; 7. S. 124]. Однако, как далее, ближе к концу главы, поясняет наш автор, названное пространство отвечает Иллирику в самом широком смысле этого понятия, тогда как Иллирик в узком смысле состоит из девяти королевств (*regna*). Это Далмация, Хорватия, Славония, Босния, Болгария, Сербия, Фракия, Дардания и Албания [6. Р. 34; 7. S. 136]. Ввиду того что из числа этих девяти королевств, как было ясно уже из названия книги, Ратткай интересовали только первые три, то перед нашим автором вставала задача вычленив их историю из истории Иллирика. Это, прежде всего, требовало от него ответа на вопрос о соотношении этих королевств друг с другом и с Иллириком в целом. Искать ответы на эти вопросы в предшествующей историографии было делом по большей части безнадежным: в литературе иллиризма неизменно описывалась история Иллирика как единого целого. Иными словами, хотя иллирский исторический нарратив в том или ином виде существовал, он совершенно не был адаптирован для описания истории государства со столицей в Загребе.

Из представленного Ратткаем в первой книге описания древнейшей истории иллиров видно, что в его представлении, иллиры, определенно составляя этническое единство (*natio Illyrica*), тем не менее, подразделялись на ряд народов (*nationes*). Объясняя появление этих народов, Ратткай воспроизводит античную легенду о «праотце» Иллире, приводимую Аппианом Александрийским. Согласно этой легенде Иллир, сын обитавших на Сицилии киклопа Полифема и нимфы Галатеи, переселился на континент вместе со своим братом по имени Кельт. Сыновьями Иллира были Дардан и Аутариат, а сыновьями Аутариата – Паннон или Пеон и Скордиск. Сообщая, что сыном Пеона был Трибал (эпоним народа трибалов), Ратткай добавляет, что подобным же образом обстояло дело и с остальными (иллирскими) народами, также получившими названия от своих прародителей [6. Р. 17–18; 7. S. 123–124]. Даль-

нейшее изложение Ратткаем истории иллиров, фактически представляющее собой основывающееся на материалах античных источников описание древней истории Балкан, пестрит названиями разных «иллирских» народов – далматов, либурнов, трибалов, фракийцев, дарданцев и др. Примечательно, что наряду с народами, названия которых были почерпнуты автором из античных источников, в древней истории иллиров, по версии Ратткая, фигурировали и народы, которые в указанных источниках не упоминались, например болгары (*Bulgari*): они якобы были союзниками дарданцев во время борьбы иллиров с Филиппом Македонским [6. Р. 21; 7. S. 126]. Неудивительно поэтому, что одним из иллирских народов, в представлении Ратткая, были и хорваты, под которыми Ратткай понимал жителей Хорватского королевства в узком смысле слова. Описывая в соответствующем разделе первой книги королевство Хорватию, Ратткай, со ссылкой на Антонио Бонфини, сообщает, что Хорватией именуется часть Далмации, получившая свое название «Корватия» по имени покорившего эту землю римского полководца Корвина Месалы [6. Р. 36; 7. S. 139]. Воспроизведя данное (совершенно фантастическое) мнение авторитетного автора, Ратткай воздерживается от комментария: очевидно, такое истолкование названия страны казалось ему приемлемым. Вместе с тем, рассказывая во второй книге, как сын готского короля Строгила Свейолад завоевал «серединную Далмацию» (*Dalmatia Mediterranea*), «которая ныне именуется Хорватией» (*quae nunc Croatia dicitur*), Ратткай не только счел необходимым снова пояснить, что населяющий ее народ некогда именовался корватами (*Corvati*), но и добавил, что прежние латинские авторы именовали их куретами (*Curetae*) и что последние были прославлены стихами поэта Лукана [6. Р. 42; 7. S. 143]. Как видно, в данном случае Ратткай воспроизвел давнюю традицию, восходящую к труду Фомы Сплитского «История архиепископов Салоны и Сплита» (середина XIII в.), где хорваты действительно отождествляются с древним народом куретов и цитируется фрагмент из эпической поэмы «Фарсалия» Марка Аннея Лукана (39–65 гг.) [10. С. 35–36].

Итак, можно заключить, что хорваты / корваты, подобно упоминаемым в античных источниках далматам, рассматривались Ратткаем как один из древних «иллирских» народов, и если далматам территориально соответствовала Далмация, то хорватам – Хорватия, выделившаяся из Далмации еще в древности: картина, как видим, столь же ясная, сколь и простая. Сложнее обстояло дело с понятием «славяне» (*Slavi*), которое в историографической традиции иллиризма обычно выступало как синоним понятия «иллиры». Начало отождествлению этих понятий положил далматинский гуманист, уроженец Хвара Винко Прибоевич в своей речи (*oratio*) «О происхождении и славе славян» (*De origine successibusque Slavorum*) (1532) [11]. Утверждая автохтонное происхождение всех славяноязычных жителей Далмации, Прибоевич поставил знак равенства

между воображаемым сообществом иллиров и народом славян, отвергнув характерное для жителей далматинских приморских городов-коммун, гордившихся своим античным происхождением, представление о «славянах», т.е. в данном контексте – обитателях сельского хинтерланда, как о «варварах» и пришельцах с севера [12]. Отождествления иллиров со славянами придерживался и «далматинский Фукидид» – дубровницкий историк Мавро Орбини, автор книги «Королевство славян» (*Il Regno degli Slavi*) (1601) [13, 14], ставшей весьма влиятельной в историографии эпохи барокко. Используя в своих этногенетических построениях элементы немецкого тевтонизма и польского сарматизма [8. S. 51–87], Орбини локализовал прародину славян в Скандинавии. В представлении дубровницкого интеллектуала, в ту далекую эпоху предки славян еще не именовались славянами, будучи известны в Европе под именем готов. Выйдя из Скандинавии в 1460 г. до Р.Х. (что соответствует дате исхода готов из Скандинавии, содержащейся в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (VI в.)), «праславяне»-готы переселились в Сарматии (территория между Вислой, Азовским морем, Карпатами и Сарматским океаном), откуда спустя столетия начали расселяться по Европе и завоевывать для себя новые земли. Именно в ходе своих завоеваний они и приобрели имя «славяне», т.е. «славные». Славяне, отправившиеся на юг, по версии Орбини, в 606 г. заняли Иллирик, который, однако, к тому времени уже был населен другим народом славянского происхождения – иллирами. Приписывая иллирам и их восточным соседям – фракийцам славянское происхождение, Орбини, тем не менее, не выводил их из Скандинавии. Переходя к истории этих народов, дубровницкий историк отмечал: «...я перейду теперь к другим народам, которые, хотя и не вышли из Скандинавии, тем не менее все были славянского рода» [14. С. 173]. Это несколько парадоксальное замечание явилось следствием соединения в труде Орбини «скандинавской теории» происхождения славян с хорошо знакомой дубровницкому автору автохтонистской этногенетической концепцией Прибоевича, отождествлявшего славян с иллирами.

Противоречие между «скандинавской теорией» происхождения славян и «сицилийской теорией» происхождения иллиров, не до конца проясненное в книге Орбини, Ратткай снимает с помощью акцентирования хронологического промежутка между двумя событиями – свершившимся в глубокой древности распространением «предков славянского языка» из Сарматии на широкое пространство от гор Тавра до Сицилии и от Адриатики до Северного моря и произошедшим, по Ратткаю, гораздо позже переселением праотца иллиров с острова Сицилии на континент [6. S. 17; 7. S. 123]. Более того, в отличие от Орбини, опиравшегося на известия византийских источников о расселении склавиров на Балканах, Ратткай совсем не говорит о переселении славян в Иллирик в начале VII в., а известную

ему информацию Константина Багрянородного о появлении в Далмации в VI–VII вв. сначала славян (в составе аваров), а затем хорватов интерпретирует вне какой бы то ни было миграционистской перспективы (см. ниже). Таким образом, с точки зрения Ратткая, никакого переселения славян на Балканы в эпоху раннего Средневековья просто не было, а все миграции (из Скандинавии в Сарматии и из Сарматии на земли будущего Иллирика) свершились еще задолго до того, как выходец с Сицилии по имени Иллир дал начало народу иллиров.

Казалось бы, такой взгляд Ратткая на происхождение славяноязычных иллиров открывал дорогу для отождествления иллиров со славянами, т.е. провозглашения иллиров одним из славянских народов. Между тем при внимательном чтении книги Ратткая становится видно, что использование им понятия «*Sclavi*» совершенно выбивается из традиции Прибоевича–Орбини. Так, уже при описании скандинавской «пра-родины» Ратткай не говорит эксплицитно, что речь идет о прародине славян или тех, кто станет именоваться славянами, отмечая лишь, что эту обширную землю заняли потомки библейского Иафета, «которые положили начало славянскому языку» (*qui Sclavicae linguae principium fecere*) [6. S. 17; 7. S. 123]. Описывая затем широкое расселение по Европе выходцев из Сарматии, Ратткай снова словно намеренно избегает называть их славянами, предпочитая этнически нейтральную формулировку: «Поэтому не удивительно, что язык здешних так широко распространен по всему свету...» (*unde nec mirum, quod nostratum lingua tam late per Orbem universum pateat*) [Ibid.]. Окончательно же расставляет точки над «i» комментарий, который Ратткай делает в заключительной части первой книги после перечисления им девяти королевств Иллирика, прежде чем перейти к подробному географическому описанию каждого из них. Ввиду важности этого комментария для понимания этнического дискурса Ратткая процитируем его полностью: «Действительно, Орбини и Ранцано утверждают, что название Славонии является общим, так как язык этого народа распространился обширнее всех прочих, ибо простирается от Адриатики до Северного океана. Ведь, *кроме самих славян* (курсив мой. – Д.А.), им пользуются далматинцы, хорваты, боснийцы, болгары, фракийцы, истрийцы, мораване, чехи, албанцы, поляки, лужичане, силезцы, литвины, рутены, московиты, руссы, пруссы, жители Скандинавии и других территорий вплоть до Константинополя, и притом он все еще в ходу среди турок, и не считается там достойным уважения тот, кто его не знает. А потому говорит Ранцано в первом индексе *Epitome rerum Hungaricarum*: “Эта область обрела такую славу, что от нее получила название вся Далмация с соседними областями Иллирии и Либурнии. И они одним названием почти всеми народами в обыденной речи вследствие этого именуются, по тем, кто ими владеет, склавонами”. Однако, мы лучше будем использовать название “илли-

ры” как употребляемое почти всеми историками»². В следующем сразу после вышеприведенного комментария описании королевства Славонии Ратткай снова говорит о происхождении названия «славяне», приводя две этимологии – от названия реки Сава (упоминаемая в книге Ранцано) и от «славы» [6. S. 34; 7. S. 137].

Итак, из приведенного пассажа явствует, что славяне для Ратткая – это обозначение лишь одного из иллирских народов, а именно жителей «королевства Славонии», одного из девяти королевств Иллирика, но никак не синоним понятия «иллиры». Принципа восприятия славян лишь как одного из иллирийских народов, а именно славонцев, Ратткай неукоснительно придерживается и при изложении древней истории иллиров. Например, описывая кампанию Александра Македонского против иллирских народов, Ратткай сообщает, что Александр победил фракийцев, трибалов, болгар, славян и гетов, причем славяне оказали ему особое сопротивление [6. S. 22; 7. S. 128]. Описывая восстание иллиров под руководством Батона против римского господства, Ратткай сообщает, что далматы тогда заключили союз со славянами и паннонцами [6. S. 31; 7. S. 134]. Тиберий, согласно Ратткаю, совершил поход на славян, далматов и паннонцев [6. S. 33; 7. S. 136].

Что же обусловило такое «узкое» понимание Ратткаем славянской общности, а именно привязку ее к одному лишь Славонскому королевству? Как мы видели, рассуждая о славянах, Ратткай ссылаясь на Орбини и Ранцано. Однако, в отличие от Ратткая, Орбини, использовавший понятие «славяне» для обозначения всех славяноязычных народов, не привязывал славян к Славонскому королевству, да и вообще не писал о нем в своей книге. Иное дело – посвященный истории Венгрии труд Пьетро Ранцано (около 1420/28–1492 гг.), сицилийского гуманиста, долгое время проведенного в Венгерском королевстве. В его «Извлечении из дел венгерских» (*Epitome rerum Hungaricarum*), в части, где описывалась Славония, высказывалась мысль о распространении названия «славяне» отсюда на соседние земли [15. P. 40]. Отождествляя славян со славонцами, Ранцано основывался на известном ему самоназвании жителей Славонского королевства, которые, в отличие от хорватов, именовали себя славянами (местная форма этнонима «славяне» в XVI–XVII вв. – *Slovenci*) [2. S. 209]. Как известно, название «славяне», т.е. «словене» (*Slovene*), издревле являлось самоназванием всего славяноязычного населения Карпатской котловины, включая земли будущего королевства Славонии. Заметим, что этот факт является важным аргументом в пользу присутствующего в историографии мнения о том, что именно Подунавье и прилегавшие к нему районы были первичной зоной распространения славянской идентичности, в то время как за пределами этой территории название «словене» распространилось позднее, главным образом, в результате рецепции кирилло-мефодиевской традиции и связанной с ней «языковой» версии славянской идентичности (см. особенно:

[16]). Прочитанный выше пассаж из сочинения Ратткая ясно показывает, что еще в середине XVII в. использование названия *Sclavi* в качестве общего обозначения всех славяноязычных народов было чуждым и непривычным для Славонии, где это название использовалось в качестве латинского эквивалента этнонима *Slovenci*, т.е. самоназвания жителей Славонии, напрямую восходящего к этнониму «словене».

В этой связи интересно сопоставить подход Ратткая к славянской идентичности с представлением об истории Славонии, отраженном в стихотворении государственного нотариуса Хорватско-Славонского королевства Ивана Закмарди. Текст этого стихотворения, написанного в 1643 г., был прикреплен к крышке сундука, в котором хранились государственные документы Хорватско-Славонского королевства, и наверняка был известен Ратткою [4. S. 81–82]. В этом тексте в яркой аллегорической форме – от имени самой Славонии – прославлялись история и политическое положение Славонского королевства, соединенного с Хорватией. Среди прочего здесь говорилось о том, что Славония помогла в войнах Александру Великому, вследствие чего ее народ был пожалован особой привилегией³.

История о том, как Александр Македонский, высоко оценив воинскую доблесть славян, предоставил им в специальной грамоте господство над половиной Европы, была хорошо известна в славянской исторической литературе раннего Нового времени [18. С. 45–94]. Считается, что соответствующая традиция сложилась в Чехии, где она впервые фиксируется в XIV в., хотя не исключено и ее южнославянское происхождение [19. S. 109–124]. Так или иначе, в южнославянской историографии текст грамоты был впервые представлен в вышеупомянутой речи Прибоевича. Подробно данный сюжет был изложен и в труде Орбини, а в написанной по-хорватски книге францисканского автора Франьо Главинича «Цветок святых» (*Czvit szvetih*), изданной в Венеции в 1628 г., был впервые дан перевод грамоты на хорватский язык [8. S. 199]. В отличие от всех названных авторов, в стихотворении Закмарди грамота Александра Великого ассоциировалась именно со Славонией, а не со славяноязычным миром в целом. Видимо, так же понимал грамоту и Ратткая, который, воспроизводя ее текст по книге Главинича, поместил его после рассказа о том, как иллирские народы боролись с македонцами, причем славяне, по его словам, особенно сопротивлялись захватчикам [6. P. 24–25; 7. S. 129]. И все же утверждать это с определенностью нельзя: притом что в использованном Ратткеем тексте Главинича понятие «словинский народ» (*narod Szlovinski*) использовалось в характерном для иллиризма широком смысле, само название «славяне», т.е. «словинцы» (*Slovinczi*), Главинич, подобно Ранцано, производил от славонской реки Сава, считая, что первоначально «словинцы» именовались «савинцами» (*Szavinczi*) [8. S. 200]. Такая этимология названия «славяне» в книге Главинича, по-видимому, писавшего свой труд в мона-

стыре св. Леонарда близ города Самобор в Славонии [20. S. 437], могла быть созвучной представлениям загребского каноника, колебавшегося, как мы видели, между узким, «славонским», и широким, «иллирским», пониманием термина «славяне».

Трактовку славянской идентичности, наблюдаемую в книге Ратткая, было бы интересно сопоставить и с тем, что писал о славянах соотечественник и младший современник Ратткая – Павел Риттер-Витезович (1652–1713). В историографии присутствующие в трудах этого выдающегося энциклопедиста формы и стратегии этнической категоризации населения Иллирика обычно рассматриваются в связи с формированием хорватской национальной идеологии: в работах, написанных им вскоре после в 1699 г., Витезович, участвовавший в комиссии по территориальному разграничению с Османской империей по результатам победоносной для монархии Габсбургов войны 1684–1699 гг., с помощью многослойной и сложно структурированной аргументации обосновывал тождество славян, иллиров и хорватов, выстраивая таким образом границы дискурсивной «целокупной Хорватии» (*totia Croatia*) [17]. Между тем в более ранней работе Витезовича – «Хронике, или истории веков всего света» (*Kronika aliti szpomen vszege szvieta vikov*), изданной в Загребе в 1696 г. [21], еще можно обнаружить следы узкого понимания славянской идентичности, весьма близкого тому, что наблюдается в труде Ратткая. «Хроника» Витезовича, написанная на хорватском языке (кайкавским наречием), была специально предназначена для ознакомления с историей широкого читателя и пользовалась немалой популярностью в Хорватско-Славонском королевстве, о чем хорошо свидетельствует факт ее переиздания в 1744 г. [22. S. 112]. В специальном приложении (*Pridavak*), помещенном в конце книги, Витезович разъяснил читателю, что славянами (*Szlovenci*) в своей хронике он именовал не только жителей территории между Савой, Дравой и Дунаем, т.е. Славонии, «но и всех других областей, которые у греков и римлян именовались Иллирией», после чего дал обширный список народов, использующих славянский язык [21. S. 468–471]. Напрашивается вывод: коль скоро существовала необходимость в подобном разъяснении, значит славянами («словенцами») в Славонии еще в конце XVII в. именовали только славонцев. Такова была обиходная этническая идентификация, основывавшаяся на многовековом социальном опыте жителей Славонии. С нею так или иначе приходилось считаться и местным интеллектуалам, освоившим книжную, «панславянскую», традицию использования этнонима «славяне», таким как Ратткая и Витезович.

Подводя итог рассмотрению этнического дискурса Ратткая, можно заключить, что историческому труду загребского каноника была присуща система этнической деноминации, основанная на сочетании элементов далматинско-дубровницкого иллиризма с присущими ему панславянскими коннотациями и местной, славон-

ской, традиции этнической категоризации, вытекавшей из социально-исторического опыта Славонского королевства. При этом весьма примечательно, что подобная гетерогенная картина этнической деноминации прекрасно соответствовала стоявшей перед автором задаче репрезентации в этнических категориях трех иллирских королевств – Далмации, Хорватии и Славонии, ведь получалось, что эти три королевства были отечествами трех, хотя и родственных, но все же отдельных, а не тождественных друг другу народов – далматов (далматинцев), хорватов и славян (славонцев), которые, наряду с болгарами, боснийцами, сербами и прочими, входили в состав большой «нации иллиров». Притом, что каждый из этих народов, как показал Ратткай, имел свою древнюю историю, восходящую к Античности, из описания ранней истории иллиров, представленной в первой книге сочинения Ратткая, вытекало, что славяне (славонцы) играли среди иллирских народов особо выдающуюся роль, так как именно их язык стал господствующим среди иллиров, а слава их была такова, что и другие иллирские народы стали со временем именоваться славянами.

Еще один важный вопрос, на который должен был дать в своей книге ясный ответ первый историограф Хорватско-Славонского королевства, заключался в том, когда Далмация, Хорватия и Славония стали королевствами и каким образом они составили политическое триединство внутри Иллирика? Ответом на этот вопрос стало подробное описание им истории державы, будто бы основанной в середине VI в. на землях Иллирика Строгилом, братом готского короля Тотилы.

История этой легендарной державы, а точнее правивших ею королей, была впервые представлена в средневековом историческом памятнике жанра «деяния королей» (*gesta regum*) – так называемой Летописи попа Дуклянина [23], написанной в XII в. в городе Бар в Дуклянском королевстве (современная Черногория) неизвестным автором из рядов местного клира (по одной из версий – барским архиепископом Григорием (1172–1196) [24]). В представлении средневекового автора, пришедшие с севера готы, завоевавшие в конце V в. римские провинции Далмацию и Превалис, создали на этих территориях обширное королевство, из которого впоследствии выросла Дуклянская держава. Притом, что некоторые из числа упоминаемых летописцем легендарных королей, возможно, соответствовали тем или иным реальным правителям раннесредневековых славянских княжеств, оказавшихся к концу XI в. под властью могущественной дуклянской династии Воиславичей, присутствующая в летописи привязка начала дуклянской истории к завоеванию готами римского Иллирика, очевидно, была обусловлена этническим дискурсом романских жителей побережья Адриатики, называвших готами славянское население хинтерланда [25]. Иными словами, основываясь на характерном для романской среды этого уголка Средиземноморья отождествлении «славяне = готы», образованный барский клирик связал с дуклянскими славя-

нами известные ему из книжной традиции сюжеты из истории готов. Так, история о трех братьях готского короля Сенулада – Брусе, Тотиле и Остроиле, – с которой начинается историческое повествование барского клирика, позволяет, по мнению словенского историка Й. Руса, говорить об искаженном воспроизведении в начальных главах летописи истории остготской династии Амалов, так как очень напоминает рассказ готского историка Иордана о сыновьях Вандалария [26]. С течением времени дуклянская историческая традиция проникла в Хорватское королевство, где в эпоху позднего Средневековья была составлена на хорватском языке так называемая Хорватская хроника [27], текст которой содержательно соответствует (с более или менее существенными расхождениями в отдельных деталях) первым 23 главам текста дуклянского автора с присоединением к ним рассказа о гибели хорватского короля Звонимира (1075–1089 гг.). В отличие от Летописи попа Дуклянина, в Хорватской хронике отсутствует привязка готского королевства к Дукле, что, вкупе с включением Звонимира в число королей – преемников легендарного Остроила, основывавшего, согласно Летописи попа Дуклянина, королевство на землях покоренного готами Иллирика, означало то, что в Хорватской хронике история готской державы была интерпретирована как история Хорватского королевства.

Воспроизводя во второй книге своего труда историю королей из династии Остроила, Ратткай опирался главным образом на латинский перевод Хорватской хроники, который был ошибочно приписан им дубровницкому историку Людовику Цриевичу-Губерону (1458–1527) [6. Р. 46; 7. S. 146]. На самом деле это был перевод, выполненный в 1510 г. сплитским гуманистом Марко Маруличем. В переводе Марулича, носящем название «Деяния королей Далмации и Хорватии» (*Croatiae Dalmatiaeque regum gesta*) [28], Далмация является более широким понятием, чем Хорватия, что вполне отвечало ренессансным антикизирующим тенденциям [29. S. 152]. Интерпретация готских королей как далматинских, утвердившаяся со времен Марулича в историографии Венецианской Далмации и Дубровницкой республики, определила и их трактовку в книге Ратткая. В духе ренессансного иллиризма Ратткай совершенно не акцентирует внимание на готском происхождении Остроила (которого он, вслед за Маруличем, именует Строгилом (*Strogillus*)), ограничившись лаконичным сообщением, что тот был братом Тотилы [6. Р. 42; 7. S. 142]. Заметив о Строгиле, что он силою помогался «Иллирского королевства», Ратткай последовательно описывает завоевание им и его сыном Свейолодом (*Svejoladus*) Боснии, Далмации и «срединной Далмации, которая именуется Хорватией» [6. Р. 42; 7. S. 143]. Таким образом, Далмация, Хорватия и Босния изображаются Ратткаем как составные части единого королевства, что всецело соответствует традиции, восходящей к Летописи попа Дуклянина.

Почерпнув из труда Марулича начальную дату в истории «готского» королевства – 547 г. (вторжение Строгила в Далмацию), Ратткой на протяжении всего последующего повествования о деяниях королей VI–XI вв. стремился выстроить точную хронологию их правления. Само по себе это было значительной новацией, так как ни в тексте Марулича, ни в других ранних произведениях, где описывались деяния легендарных королей из династии Остроила, даты правления королей не указывались. Определяя даты, Ратткой тем самым придавал абстрактному повествованию средневековых и ренессансных авторов конкретно-исторический характер, что было совершенно необходимо для сочинения, одной из целей которого была максимально убедительная историческая репрезентация раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства. В датировании правления легендарных королей Ратткаю помогают не только указывавшиеся в тексте Хорватской хроники сроки их правления, что позволяло получать «исторические даты» простым прибавлением чисел к начальной хронологической точке – 547 г., но и комбинирование информации Хорватской хроники со сведениями других источников, которое давало возможность еще больше «историзировать» легендарные события.

Ярким примером такого комбинирования является соединение Ратткаем известий Хорватской хроники о приходе к власти короля Будимира (*Budimerius*), в правление которого в королевстве, некогда основанном язычниками-готами, произошло официальное принятие христианства, с известиями трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) о переселении хорватов в Далмацию и их крещении в правление императора Ираклия (610–641). Так, при описании вторжения в Иллирик аваров Ратткой отмечает, что, по свидетельству византийских авторов Феофилакта Симокатты и Константина Багрянородного, аваров, вместе с готами, считали славянами. Никак не комментируя это ошибочное представление средневековых авторов, Ратткой сразу же отмечает, что они (по контексту, видимо, славяне) по призыву императора Ираклия восстали против завоевателей и освободили землю своих отцов. Приняв крещение из Рима, они, по словам Раттка, украсили своих правителей титулом королей хорватов и далматинцев [6. Р. 44; 7. S. 144]. Совершенно очевидно, что в данном пассаже Ратткой опирался на информацию из трактата Константина Багрянородного, где говорилось о победе хорватов над аварами и принятии ими христианства из Рима [30. С. 137]. Однако описываемую Константином Багрянородным борьбу хорватов с аварами Ратткой интерпретирует как восстание славян, являвшихся, по его мнению, исконными обитателями Иллирика против господства пришедших извне «варваров». Не вполне ясно лишь, какое именно значение Ратткой, колебавшийся, как мы видели, между широким и узким пониманием славянской общности, вкладывал здесь в

понятие «славяне» (*Sclavi*). Это могло быть как обобщенное обозначение иллирских народов (в духе иллирской традиции), так и название славонцев.

Определяя дату прихода к власти Будимира, который, согласно Хорватской хронике, правил в течение 40 лет, Ратткой, помимо свидетельства Константина Багрянородного о крещении хорватов в правление Ираклия, задействовал воспроизводившее информацию средневекового источника известие из восьмого тома «Церковных анналов» Цезаря Барония (1599) об отправке папой Иоанном IV в 641 г. специальной миссии в Далмацию с целью выкупа из плена христиан, захваченных варварами. По мнению Раттка, это были христиане, попавшие в плен в правление короля Разимира, который, согласно Хорватской хронике, был язычником и преследовал христиан. В свете всей этой информации Ратткой датирует правление Будимира 641–681 гг. [6. Р. 44; 7. S. 144]. В историческом нарративе Раттка Будимир играет важную роль «короля-апостола», обратившего в христианство иллирские народы, впавшие в язычество вследствие господства варваров. Более того, роль Будимира в истории иллиров прямо уподобляется Ратткаем роли «короля-апостола» Иштвана в истории Венгрии [6. Р. 48–49; 7. S. 148], что имело важное значение в контексте идеи политического равноправия Хорватско-Славонского и Венгерского королевств в составе монархии Габсбургов [8. S. 284–285]. О важности фигуры Будимира для исторической репрезентации Хорватско-Славонского королевства свидетельствует и помещенная на фронтисписе книги Раттка гравюра, на которой ее автор, известный гравер Степан Бродарич, очевидно, по согласованию с Ратткаем, поместил изображения ключевых исторических фигур и святых покровителей Хорватско-Славонского королевства, фигурирующих в книге Раттка. Один из девяти медальонов с портретами, составляющими композицию, содержит портрет Будимира, где он представлен в короне и со скипетром, с окаймляющей надписью: «Будимир, король и апостол Далмации, Хорватии и Славонии» [7. S. III].

Подпись на гравюре – ясное указание на то, что Ратткой представлял себе Славонию составной частью королевства Будимира. Между тем в средневековой дуклянской традиции и основывавшейся на ней Хорватской хронике, к которой в своем описании истории Далмации обращались далматинские и дубровницкие авторы XVI–XVII вв., о Славонии – территории, лежащей к северу от Далмации и Боснии и не попадавшей в поле зрения барского клирика XII столетия, ничего не говорилось. В состав королевства, основанного Остроилом-Строгилом, эта территория была эксплицитно включена Маруличем, чей перевод Хорватской хроники использовал Ратткой. Описывая произошедшее в правление короля Будимира разделение королевства на провинции, Марулич упомянул пространство между реками Сава и Драва [28. S. 120], уточнив таким образом известие Хорватской хроники о северной ча-

сти королевства Будимира, располагавшейся в бассейнах рек, впадающих в Дунай (в Хорватской хронике, однако, судя по контексту, имелась в виду не Славония, а Босния [27. S. 118]). И хотя, согласно Маруличу, король Будимир назначил в каждую из провинций королевства своего наместника (бана), в последующем повествовании об истории «королей Далмации и Хорватии», в котором нередко упоминались баны тех или иных областей, славонские баны не фигурировали.

Таким образом, Ратткай и здесь должен был выступить в роли первооткрывателя: ему необходимо было решить сложный вопрос о месте его родной Славонии в политической структуре, возглавлявшейся потомками Строгила. Сделать это было непросто, так как ко времени появления труда Ратткая не существовало исторического произведения, которое бы содержало целостное представление о ранней истории Славонии. Даже в использованном Ратткаем собственно славонском историческом сочинении – «Хронике» Антуна Врамца (1578 г.) [31], содержащей хронологическое изложение всемирной истории, Славония, а точнее «Словенская земля» (под которой Вrameц, судя по всему, понимал не только «королевство Славонию», но и в целом зону распространения словенской идентичности в западной части Карпатской котловины), применительно к древнейшему периоду истории упоминалась лишь эпизодически. Таким образом, перед Ратткаем вставала трудная задача «реконструкции» раннесредневековой истории Славонии, и притом – в соответствии с логикой поисков в далеком прошлом истоков всех трех королевств – в качестве особой политической единицы. Задача эта была тем более сложной, что в раннее Средневековье никакого королевства Славонии в действительности не существовало, о чем ни Ратткаю, ни другим его современникам не могло быть достоверно известно. Дополнительной сложностью было то, что эту «реконструкцию» необходимо было соотносить с той, заимствованной из литературы иллиризма, рамочной исторической схемой, которая определялась восходящим к Средневековью представлением о существовании на землях Иллирика королевства, основанного готами.

Если исходить из таких критериев оценки концепции историка, как логичность и соответствие имеющимся в его распоряжении историческим материалам, то следует признать, что Ратткай блестяще справился со всеми указанными сложностями. Притом, что в целом Славония в повествовании Ратткая о событиях раннего Средневековья фигурирует не слишком часто, это логично, учитывая, что она была лишь одной из составных частей более крупной политической структуры с центром на территории Далмации, содержащейся в труде загребского каноника известия о славонских правителях вполне позволяли внимательным читателям понять, каким образом Славония стала королевством и в каком соотношении это королевство находилось с Далмацией и Хорватией. Так, одним из

правителей Славонии являлся в представлении Ратткая Кean, прямо именуемый в книге королем Славонии (*Cheamus Rex Sclavoniae*) [6. P. 54; 7. S. 152]. Информация об этом правителе была почерпнута загребским каноником из венгерской историографии, воспроизводившей в данном случае известный сюжет средневековых венгерских хроник о противоборстве первого венгерского короля Иштвана и некоего Кеана, именуемого в них правителем болгар и славян (*dux Bulgarorum et Sclavorum*). Есть основания полагать, что исторический Кean был болгарским правителем в южной части Трансильвании с резиденцией в Альба-Юлии, хотя существует мнение, что Кеаном – именем, вероятно, произведенным от титула «каган», – в венгерских хрониках мог именоваться сам болгарский царь Самуил [32. P. 145]. Воспроизводя данный сюжет, Ратткай в полном согласии со своими источниками называет Кеана наследником болгарского царя Самуила, однако именование в них Кеана правителем не только болгар, но и славян позволяет автору связать его со Славонией. По словам Ратткая, Кean был столь славен своей силой и великодушием, что «потому его и славяне себе возжелали» (*hunc Sclavi suum quoque voluere*), после чего, поставленный королем славян (*inauguratus igitur Cheanus Rex Sclavorum*) и увеличив военную силу, он вознамерился отомстить за неправды, нанесенные в прошлом болгарам и приобрести власть над «гуннами», т.е. венграми [6. S. 54; 7. S. 152–153]. Как видно, превращение Кеана в короля Славонии на страницах сочинения Ратткая было обусловлено этническим дискурсом Ратткая, т.е. отождествлением славян со славонцами. Свою роль, несомненно, сыграло и то, что Болгария, как и Славония, считалась одним из девяти исторических королевств Иллирика.

В отличие от случая с Кеаном, причина, побудившая Ратткая считать баном Славонии бана Привуния [6. S. 56; 7. S. 154], упоминаемого в трактате Константина Багрянородного [30. С. 139], остается неизвестной: в оригинальном тексте императора Константина никакая Славония, конечно, не упоминается, но Ратткай мог быть введен в заблуждение другим интерпретатором еще весьма слабо известного в то время источника. Так или иначе, но привязка Ратткаем бана Привуния к Славонии открыла дорогу для следующего далеко идущего построения хорватско-славонского историографа. Сопоставляя известие Константина Багрянородного о свержении Привунием хорватского правителя Мирослава, сына Крешимира с информацией источников о хорватском короле Звонимире, наследовавшем Крешимиру, и ошибочно смешивая двух разных правителей по имени Крешимир, Ратткай разрешил возникшее противоречие предположением, что Крешимир имел двоих сыновей и что свергнутый Привунием Мирослав правил в Славонии [6. S. 56; 7. S. 154]. Как видно, в данном случае само убеждение автора в существовании в раннем Средневековье Славонии как особой политико-административной единицы позволило

связать с ней определенный сюжет из ранней хорватской истории.

Следующим после Мирослава правителем Славонии, в представлении Ратткая, был Годескальк (*Godescalcus*) [6. S. 58; 7. S. 156]. Образ этого короля в повествовании Ратткая был особенно важен, так как он был не просто правителем, а благочестивым королем-мучеником, убитым язычниками за свою стойкую приверженность христианской вере. О значимости фигуры Годескалька для создававшейся Ратткаем концепции истории Хорватско-Славонского королевства свидетельствует изображение этого короля с подписью «Годескальк, король Славонии и мученик» на упомянутой гравюре Бродарича [7. S. III]. Медальон с портретом короля-мученика представлен здесь в одном ряду с изображениями короля-апостола Будимира и ставшего в XVII в. весьма почитаемым в Хорватско-Славонском королевстве св. Иоанна Пустынника, образ которого в свое время проник в историческую литературу иллиризма из чешской традиции, где Иоанна считали сыном хорватского короля Гостумила, совершенно неизвестного по другим источникам [33]. Откуда же появился в повествовании Ратткая очередной, да еще столь значимый для исторической репрезентации Славонии образ славонского короля? Ответ на этот вопрос дает сам Ратткай, когда, описывая трагическую историю Годескалька, ссылается на труд Цезаря Барония «Церковные анналы», служивший для хорватско-славонского историографа одним из основных источников при описании сюжетов, так или иначе связанных с церковной историей. В одиннадцатом томе труда Барония (1605) действительно речь идет о Годескальке, «короле Славонии» (*Rex Sclavoniae*), правившем в середине XI в. [34. P. 266–267]. Однако Славонией в труде Барония, воспроизводившего в данном случае рассказ немецкого автора XI столетия Адама Бременского, именуется, конечно, не Славонское королевство со столицей в Загребе, которое в XI в. не существовало, а совсем другая «страна славян», а именно держава ободритов на Балтийском море, правителем которой в это время был король по имени Готшалк (Годескальк).

Фигура славонского короля Годескалька оказалась искусно встроена хорватско-славонским историографом в общую канву истории объединенного Далматинско-Хорватско-Славонского королевства. Так, в интерпретации Ратткая после гибели Годескалька знать оставшейся без короля Славонии будто бы обратилась к Звонимиру, правившему тогда Хорватией и Далмацией, «чтобы королевства, которые почти всегда радовались одному правителю, снова соединились правлением одного короля и политическим союзом» (*ut quae sere semper Regna eodem gaudebant Principe, jam rursus ejusdem Regis imperio, ac societatis foedere jungerentur*) [6. S. 59; 7. S. 156]. А основание венгерским королем Ласло, пришедшим к власти в трех королевствах после смерти женатого на его сестре Звонимира, Загребской епископии, о чем Ратткай рассказывает уже в начале

следующей, третьей книги своего труда, было очень удачно, с точки зрения логики развития событий, истолковано им как стремление нового короля-апостола утвердить христианство в той самой стране, где ранее восторжествовали язычники [6. P. 62; 7. S. 159]. Современный читатель может, наверное, задаться вопросом: искренне ли заблуждался Ратткай, провозглашая ободритского Готшалка славонским королем и включая его таким образом в галерею исторических правителей Хорватско-Славонского королевства, или намеренно дезориентировал своего читателя, стремясь подобной комбинацией в очередной раз возвеличить свое отечество? На наш взгляд, это тот случай, когда неверной и способной повести по ложному пути является сама формулировка вопроса. Как уже отмечалось выше, для славонцев середины XVII в. не существовало славянского мира в том виде, в каком он изображался тогда далматинскими и дубровницкими авторами. Название *Sclavi* традиционно использовалось здесь для обозначения самих славонцев и – несколько шире – славян Карпатской котловины. В этой связи логику автора, привязавшего Годескалька к Славонии, можно понять, уподобив ее логике современных нам национальных исторических нарративов, где по большому счету действует тот же принцип – выстраивание исторических связей под углом зрения этнического дискурса.

Итак, можно заключить, что картина раннего прошлого Хорватско-Славонского королевства, представленная Ратткаем на страницах своего исторического нарратива, отнюдь не являлась результатом механического соединения сведений разнородных источников. Какой бы странной эта картина не казалась современному читателю, вззирающему на нее с высоты достижений историографии второй половины XIX в., когда было введено в оборот и критически изучено большое количество исторических источников и стала складываться иная, ставшая со временем канонической, версия ранней хорватской истории, при внимательном чтении соответствующих разделов труда Ратткая выявляется ясная логика его повествования о раннем прошлом. В ее основе – репрезентация королевств Далмации, Хорватии и Славонии, с одной стороны, как составных частей единого этнополитического организма, а с другой – как обладающих собственной исторической индивидуальностью этнополитических единиц. В своем повествовании Ратткай придерживается представления о существовании трех иллирских народов – далматов, хорватов и славян, каждый из которых населял «свое» королевство. Вместе с тем все три народа входили в состав единой «нации иллиров» и использовали славянский язык. Политическим эквивалентом этого этнического единства было единство состоявшего из трех королевств «иллирского» королевства, как правило, находившегося под властью одного правителя, и лишь изредка нарушавшееся дроблением его на уделы. Лежавшее в основе исторической концепции Ратткая представление о неразрывной связи между

народом (*natio*) и политическим организмом (*regnum*) способствовало соединению в его книге элементов иллиризма как протонациональной идеологии с традициями сословного далматинско-хорватско-славонского патриотизма. Проецируя эту «гибридную» идентичность вглубь веков, Ратткой соответствующим образом структурировал всю доступную ему информацию о раннем прошлом. Таким образом, Ратткой предстает перед нами не столько идеологом, использовавшим прошлое как средство легитимизации настоящего, сколько историком, пытавшимся, как это вынужден

делать любой историк, описать и объяснить прошлое через настоящее. Найденный Ратткой баланс между этническими и политическими параметрами исторической репрезентации Хорватско-Славонского королевства стал той основой, на которой впоследствии формировался хорватский национальный исторический нарратив в собственном смысле слова. Таким образом, можно сказать, что иллирско-далматинско-хорватско-славонская историческая концепция Ратткой стала промежуточной, но необходимой, остановкой на пути «от Иллирии к Хорватии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие «королевство Славония» (*regnum Sclavoniae*) восходит к XIII в., когда область между Дравой, Савой и Железными Альпами, находившаяся до конца XI в. в составе Хорватского королевства и утраченная им незадолго до объединения с Венгрией (1102), была превращена в особую политико-административную единицу в составе Венгерско-Хорватского королевства. В результате понятие «*Sclavonia*», первоначально использовавшееся в венгерских документах для обозначения всей территории Хорватии от Дравы до Адриатического моря, закрепилось за ее северной частью – территорией, находившейся в церковной юрисдикции загребского епископа [1]. Вероятно, определенную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что ко времени унии Хорватского и Венгерского королевств под скипетром династии Арпадов на территории будущей Славонии еще не успел утвердиться этноним «хорват»: местные жители называли себя просто славянами. С юга с «королевством Славонией» соседствовало «королевство Далмации и Хорватии», где под Далмацией в соответствии с давней традицией разумелись приморские территории. В свою очередь, произошедшее в XVI в. в результате османской экспансии значительное сужение территории как Хорватского, так и Славонского королевств способствовало процессу их взаимной интеграции. Продолжавшееся со времен Средневековья распространение в Славонии хорватского этнонима стало в раннее Новое время особенно интенсивным вследствие миграционных процессов, а тенденция к воссоединению двух королевств, необходимость в котором диктовалась задачами эффективного управления и совместной борьбы с османами, привела к слиянию в середине XVI в. сословных собраний Хорватии и Славонии в один сословно-представительный орган, что, с формальной точки зрения, привело к конституированию Хорватско-Славонского королевства как единого политического организма. В XVII в. название объединенного королевства со столицей в Загребе еще не вполне стабилизировалось: оно могло именоваться Хорватским, Славонским, Хорватско-Славонским и Далматинско-Хорватско-Славонским [2. S. 77].

² «Sane Orbinus et Ranzanus Sclavoniae nomen generale esse volunt, eo quod lingua gentis hujus latissime omnium aliare pateat, quippe quae a mari Adriatico ad Oceanum Septentrionalem extenditur; nam praeter ipsos Sclavos ea utuntur Dalmatae, Croatae, Bosnenses, Bulgari, Thraces, Istrii, Moravi, Bohemi, Albani, Poloni, Lusatii, Silesii, Lithuani, Prutheni, Moscovitae, Russi, Prussi, Scandinaviae incolae, et aliae Regiones Constantinopolim usque, adeo, ut etiam ejus usus inter Turcas sit, nec ibidem dignus honore putetur, qui eam ignoret. Quare Ranzanus in Epitome rerum Hungaricarum Indice primo: “Ea Regio, inquit, hoc sibi claritudinis vendicavit, ut ab ipsa nomen acceperit universa Dalmatia cum sibi conterminis Illyride atque Liburnia, quae uno vocabulo ab omnibus pene nationibus vulgo ita vocitantur, qui vero ipsas tenent, Sclavones”. Verum nos Illyrii nomine potius utimur, velut apud omnes pene Historicos usitatori» [6. S. 34].

³ «Illa Ego Sclavonia, ac unita Croatia tellus, / Pars quondam Illyrii, Pannonique Soli: / Adstiti Alexandro per Bella Monarchica Magno; / Gentem etiam Indultis extulit ille meam...» [4. S. 81–82; 17. S. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bali T. Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću. Zagreb : Srednja Europa, 159 s.
2. Budak N. Hrvatska i Slavonija u ranome novom vijeku. Zagreb : Leykam International, 2007. 250 s.
3. Korade M. Kronologija života Jurja Rattkaya // Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij, 2016. S. 1–3.
4. Šišić F. Priručnik izvora hrvatske povijesti. Dio I. Čest 1. (Do god. 1107.). Zagreb : Kraljevska zemaljska tiskara, 1914. 653 s.
5. Bene S. Ideološke koncepcije o staleskoj državi zagrebačkoga kanonika // Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu — Hrvatski studij, 2016. S. 4–103.
6. Rattkay J. Memoria regum et banorum, regnorum Dalmatiae, Croatiae & Sclavoniae inchoata ab origine sua, et usque ad praesentem annum M.DC.LII. deducta. Faks. pretisak izd. iz 1652. god. Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2000. [18], 277, [32] s.
7. Rattkay J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb : Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij, 2016. 374 s.
8. Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. Zagreb : Golden marketing: Tehnička knjiga, 2008. 400 s.
9. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 321 p.
10. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / вступ. ст., пер., ком. О.А. Акимовой. М. : Индик, 1997. 320 с.
11. Pribojević V. O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli V. Gortan, P. Knezović. Zagreb : Golden marketing: Narodne novine, 1997. 211 s.
12. Madunić D. Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe / ed. by B. Treščényi, M. Zászkaliczky. Leiden ; Boston : Brill, 2010. P. 177–202.
13. Orbin M. Kraljevstvo Slavena / Preveli S. Husić; priredio i uvodnu studiju napisao F. Šanjek. Zagreb : Golden marketing: Narodne novine, 1999. 623 s.
14. Орбини М. Славянское царство / пер. Ю. Куприкова. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 575 с.
15. Ranzano P. Epitome rerum Hungaricarum velut per indices descripta. Budaë : Typis Veronicæ Nottensteinin, 1746. viii, 298, [22] p.
16. Homza M. A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today, and tomorrow // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2018. № 1 (23). C. 3–41.
17. Blažević Z. Vitezovićeve Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652.–1713.). Zagreb : Barbat, 2002. 279 s.
18. Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI – начала XVIII века. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1996. 320 с.
19. Morović H. Sa stranica starih knjiga. Split : Matica hrvatska, 1968. 219 s.
20. Filić K. Franjo Glavinić, hrvatski kulturni pregalac XVII. stoljeća // Bogoslovska smotra. 1974. Vol. 43, br. 4. S. 438–453.
21. Vitezović Ritter P. Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696 / Priredio A. Jembrih. Zagreb : ArTresor naklada, 2015. 626 s.

22. Klaić V. *Život i djela Pavla Rittera Vitezovića (1652–1713)*. Zagreb : Matica hrvatska, 1914. 296 s.
23. Летопис Попа Дукљанина / Ур. Ф. Шишић. Београд; Загреб : Завлада тискарне Народних новина, 1928. 480 с.
24. Perić E. *Sclavorum Regnum Grgura Barskog*. Zagreb : Kršćanska sadašnjost, 1991. 370 s.
25. Алимов Д.Е. «Готско-славянское» королевство: раннесредневековый Иллирик в дискурсивном пространстве этнопоэзиса // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 516–525.
26. Rus J. *Kralji dinastije Svesladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614*. Ljubljana : Univerzitetna tiskarna J. Blasnika, 1931. 208 s.
27. Hrvatska kronika: 547–1089 / Priredio I. Mužić. Split : Matica hrvatska, 2001. 263 s.
28. Mužić I. Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. Split : Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2011. 343 s.
29. Jovanović N. Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje // Marulić M. *Latinska manja djela II*. Split : Književni krug, 2011. S. 125–168.
30. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева ; пер. Г.Г. Литаврина. М., 1991. 496 с.
31. Vramec A. *Kronika*. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost, 1992. 140 s.
32. Madgearu A. *The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and fiction*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 2005. 218 p.
33. Premrl D., Kurelac I. Sveti Ivan pustinjač u hrvatskoj historiografiji i ikonografiji 17. i 18. stoljeća // *Croatia Christiana Periodica*. 2012. Vol. 69. S. 11–31.
34. Caesaris Baronii *Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner*. Vol. XVII. 1046–1093. Barri-Ducis : Ludovicus Guerin, 1849. 648 p.

Denis E. Alimov. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.alimov@spbu.ru

FROM ILLYRIA TO CROATIA: THE EARLY PAST OF THE KINGDOM OF CROATIA-SLAVONIA IN JURAJ RATTKAY'S HISTORICAL NARRATIVE

Keywords: Kingdom of Croatia-Slavonia; Croatian historiography; illyrianism; Juraj Rattkay.

The article analyzes the description of the early Croatian history presented in Juraj Rattkay's book "History of the kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia" (*Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae, et Slavoniae*) (1652), which was the earliest consistent presentation of the history of Croatia (Croatian-Slavonian Kingdom) as a separate entity from the very beginning to modern era. Based on the fact that the main means of creating a national history is projecting contemporary ethnic categories into the distant past, the author of this article focuses on identifying those aspects of Rattkay's narrative on the early Croatian history that were caused by what is usually called ethnic discourse, that is a historically determined way of structuring social, political, and cultural reality in ethnic categories. In doing so, the author shows that the picture of the early past of the Croatian-Slavonian Kingdom, presented by Rattkay in his historical narrative, was in no way a result of connecting mechanically pieces of heterogeneous historical evidence. On the contrary, Rattkay's picture of the early past had a clear internal logic. The basis of this logic was the representation of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia, on the one hand, as three components of one ethno-political organism, and on the other, as three ethno-political units, each of them having their own historical individuality. In his narrative, Rattkay adheres to the idea of the existence of three Illyrian tribes (*nationes*) – Dalmatians, Croats, and Slavs, each of whom, in his view, inhabited its own kingdom. At the same time, all three tribes were parts of a single "Illyrian nation" and used the Slavic language. The political equivalent of this ethnic unity was the unity of the "Illyrian" kingdom, which embraced all the three kingdoms, and, as a rule, was under the rule of a single king. The idea of the existence of inseparable ties between an ethnic group (*natio*) and a polity (*regnum*) resulted in Rattkay's combining elements of Illyrianism, which was a South Slavic proto-national ideology characteristic especially for Dalmatia and the Republic of Dubrovnik, with those of the patriotism of the Croatian-Slavonian estates. Unlike the Dalmatian authors of Illyrianist tradition (Pribojević, Orbini, etc.), Rattkay did not use the term "Slavs" (*Sclavi*) as a designation of all Slavic peoples, but identified Slavs with the inhabitants of the kingdom of Slavonia, which was a characteristic feature of the Slavonian usage of the term. By identifying this feature of Rattkay's ethnic discourse, the author explains the genesis of such figures of Rattkay's narrative as Slavonian kings Keanus and Godescalcus. The author concludes that Rattkay's notion of the early past of the Croatian-Slavonian Kingdom was a result of his projecting a specific "hybrid" identity, consisting of elements of the proto-national Illyrianism and Croatian-Slavonian patriotism, deep into the centuries.

REFERENCES

1. Bali, T. (2014) *Slavonski meandar: Prostor i pojam Slavonije u XIII. stoljeću* [The Slavonian Meander: The space and notion of Slavonia in the 13th century]. Zagreb: Srednja Europa.
2. Budak, N. (2007) *Hrvatska i Slavonija u ranome novom vijeku* [Croatia and Slavonia in the early modern period]. Zagreb: Leykam International.
3. Korade, M. (2016) *Kronologija života Jurja Rattkaya* [Chronology of the life of Juraj Rattkay]. In: Rattkay, J. *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
4. Šišić, F. (1914) *Priručnik izvora hrvatske povijesti* [Handbook of Croatian History Sources]. Part 1. Zagreb: Kraljevska zemaljska tiskara.
5. Bene, S. (2016) Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika [Ideological concepts of a Zagreb canon about an estate-based state]. In: Rattkay, J. *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
6. Rattkay, J. (2000) *Memoria regum et banorum, regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae inchoata ab origine sua, et usque ad praesentem annum MDCLII deducta*. Facsimile of the edition of 1652. Zagreb: Hrvatski institut za povijest.
7. Rattkay, J. (2016) *Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije* [Memory of kings and bans of the kingdoms of Dalmatia, Croatia, and Slavonia]. Translated by Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest: Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij.
8. Blažević, Z. (2008) *Ilirizam prije ilirizma* [Illyrianism before illyrianism]. Zagreb: Golden marketing: Tehnička knjiga.
9. Hobsbawm, E. & Ranger, T. (eds) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Thomas of Split. (1997) *Istoriya arkhiepiskopov Splita i Salony* [History of Bishops of Salona and Split]. Translated from Latin by O.A. Akimova. Moscow: Indrik.
11. Pribojević, V. (1997) *O podrijetlu i slavi Slavena* [On the origin and glory of the Slavs]. Translated by V. Gortan, P. Knezović. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine.
12. Madunić, D. (2010) Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević. In: Trecsényi, B. & Zászkaliczky, M. (eds) *Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden; Boston: Brill. pp. 177–202.
13. Orbini, M. (1999) *Kraljevstvo Slavena* [The Kingdom of Slavs]. Translated by S. Husić. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine.
14. Orbini, M. (2010) *Slavyanskoe tsarstvo* [The Kingdom of Slavs]. Translated by Yu. Kuprikov. Moscow: OLMA Media Grupp.

15. Ranzano, P. (1746) *Epitome rerum Hungaricarum velut per indices descripta*. Budae: Typis Veronicae Nottensteinin.
16. Homza, M. (2018) A few words about the identity of the Slavs, yesterday, today, and tomorrow. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(23). pp. 3–41. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2018.101
17. Blažević, Z. (2002) *Vitezovićeve Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652–1713)* [Vitezović's Croatia between reality and utopia. Ideological conception in the Post-Karlowitz cycle of works by Pavao Ritter Vitezović (1652–1713)]. Zagreb: Barbat.
18. Mylnikov, A.S. (1996) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka* [The picture of the Slavic world: the view from Eastern Europe: ethnic legends, preassumptions, protohypotheses (16th – early 18th century)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
19. Morović, H. (1968) *Sa stranica starih knjiga* [From pages of old books]. Split: Matica hrvatska
20. Filić, K. (1974) Franjo Glavinić, hrvatski kulturni pregalac XVII stoljeća [Franjo Glavinić, a Croatian cultural worker of the 17th century]. *Bogoslovska smotra*. 43(4). pp. 438–453.
21. Vitezović Ritter, P. (2015) *Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696* [Chronicle or History of the Whole World Centuries: 1696]. Zagreb: Ar-Tresor naklada.
22. Klaić, V. (1914) *Život i djela Pavla Rittera Vitezovića. (1652–1713)* [The life and works of Pavao Ritter Vitezović (1652–1713)]. Zagreb: Matica hrvatska.
23. Šišić, F. (ed.) (1928) *Letopis Popa Dukljanina* [The Chronicle of the Priest of Dioclea]. Belgrade; Zagreb: Zaklada tiskare Narodnih novina.
24. Perićić, E. (1991) *Sclavorum Regnum Grgura Barskog* [Gregory of Bar's Sclavorum Regnum]. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.
25. Alimov, D.E. (2017) "Gothic-Slavic kingdom": Early medieval Illyricum in the discursive space of ethnopoiesis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 27(4). pp. 516–525. (In Russian).
26. Rus, J. (1931) *Kralji dinastije Sveladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614*. [Kings of the Svevlad Dynasty, the Oldest Common Rulers of the Croats and Serbs]. Ljubljana: Univerzitetna tiskarna J. Blasnika.
27. Mužić, I. (ed.) (2001) *Hrvatska kronika: 547–1089* [The Croatian Chronicle: 547–1089]. Split: Matica hrvatska.
28. Mužić, I. (2011) *Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina* [The Croatian Chronicle in the Chronicle of the Priest of Dioclea]. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika.
29. Jovanović, N. (2011) Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje [Marulić's translation of the Croatian Chronicle and this edition]. In: Marulić, M. *Latinska manja djela II*. [Latin little works II]. Split: Književni krug. pp. 125–168.
30. Constantine VII Porphyrogenetos. (1991) *Ob upravljenii imperiyei* [On the administration of the empire]. Translated by G.G. Litavrin. Moscow: Nauka.
31. Vramec, A. (1992) *Kronika* [Chronicle]. Zagreb; Varaždin: Zavod za znanstveni rad: Kršćanska sadašnjost.
32. Madgearu, A. (2005) *The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and Fiction*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute.
33. Premerl, D. & Kurelac, I. (2012) Sveti Ivan pustinjač u hrvatskoj historiografiji i ikonografiji 17. i 18. stoljeća [St. John Hermit in the Croatian historiography and iconography in the 17th and 18th centuries]. *Croatica Christiana Periodica*. 69. pp. 11–31.
34. Caesar Baronius. (1849) *Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner*. Vol. 17. Barri-Ducis: Ludovicus Guerin. pp. 1046–1093.